

Лысинка

В недавнее прошлое время шофёрское жалованье было маловато. Тогда за грех не считалась и начальством в большую вину не ставилась перевозка грачей (так назывались пассажиры сверх груза машины, высоко наверху, на ящиках, на мешках). Случалось, при нечаянной встряске, все грачи разом слетали на землю и ушибались. Но главная беда этой, теперь запрещённой, перевозки была не в этом. Главное было, что плата за такую перевозку не только не улучшала жизни шофёра, а, напротив, губила и человека, и машину. Шофёры считали эти случайные деньги ни во что, и брать плату с пассажиров на их языке называлось: росу собирать. В то недавнее время часто можно было видеть на обочине шоссе понуро стоящую грузовую машину, а за канавой на зелёной опушке леса сам хозяин, бывало, открыто, ничем не стесняясь, глотал «росу» вместе со своими грачами. И уж, конечно, потом, когда тронется в путь такая машина, сразу узнаешь её и свою ставишь в сторонку: такой машине всякая дорога узка. И какая богатая смесь! На шоссе после прохода пьяной машины надолго остаётся бензинный туман. Один из немногих трезвых шофёров в нашем районе в то время был мой приятель Коля Куликов, и то потому только он цел оставался, что молодая, красивая Лиза держала в своих руках очень крепко этого хорошего парня. Одно время он ездил на легковой в Москве от таксомоторного парка. Какой-то рецидивист в глухом переулке хватил его по голове ручкой нагана и был таков. Коля выжил, машину нашли, рецидивиста поймали. Но с тех пор шофёр стал бояться Москвы, работал некоторое время на грузовике в Переславском районе на лесных заготовках. После того перешёл к нам в райпо.

Однажды мы встретились с ним на шоссе, и захотелось нам отдохнуть, побеседовать. Поставили мы свои машины на обочину, сели на опушку, и все грачи, мои и его, собрались вокруг нас. Когда Коля снял свою кепи, я впервые заметил в его рыжих густых волосах на темени небольшую круглую и очень отчётливую лысинку.

— Не от нагана ли московского у тебя на голове осталась эта лысинка? — спросил я шофёра.

— Нет, — ответил он, — от нагана у меня на голове очень скоро всё заросло, это я получил на переславских лесных заготовках.

И рассказал нам жуткую историю происхождения своей лысинки.

Было это с ним в ранне-весеннее время, когда самые большие болотные кулики, кроншнепы, начинают устраивать себе гнёзда. Птицы эти с какими-то допотопными гнутыми большими носами, да вот ещё лоси с их удлинёнными мордами из всех болотных обитателей больше всего говорят об оставшейся позади в развитии человека древней природе, которая вроде неостывших вулканов время от времени способна напоминать о себе.

В это весеннее время, когда болота оттаивают, Коле надо было из Усолья проехать на машине в Купань. Путь был длинный — вокруг всего большого Плещеева озера — или в два-три километра через Купанское болото по гати. Экономя бензин, Коля решил проехать по гати, если же не удастся, то несколько лишних километров составят пустяки в общем расчёте, и он при нужде проедет в Купань вокруг озера через Городище. Гать вначале ему показалась очень прочным мостом. Но вскоре жерди под машиной начали плясать и даже отлетать в сторону. Поняв невозможность езды, он стал развёртываться, но, когда заводил зад, чересчур близко придвинулся к краю, жерди взлетели на воздух, зад ринулся в торфяную бездну и утащил за собой перед вместе с кабинкой шофёра. Коля мастерски нашёлся в это страшное мгновение, не только сам выскочил, но и о машине подумал в момент смертельной опасности: пока погружалась машина, успел извлечь из неё лопату, домкрат и все обычные инструменты. Скелет

какого-то гигантского животного, сохранённого торфом, задержал машину. Железной лопатой Коля быстро выкопал большую яму, стал обходить колёса, чтобы потом под ними чем-нибудь замостить и установить домкрат. В наших местах, где машина только-только начинает борьбу с грубой природой, каждому шофёру такая работа хорошо знакома. Принимаясь за неё, шофёр говорит: «Видали мы ваши медали, а кресты нашивали». И когда Коля дошёл до скелета и увидел, что машина на нём прочно стоит, он очень обрадовался и только начал: «Видали мы ваши медали...», вдруг скелет под тяжестью машины или, может быть, от соприкосновения с воздухом развалился. Машину опять быстро потянуло вниз в пучину, и Коля остался схваченный торфом по рукам и ногам. Быть может, там в глубине встретился ещё какой-нибудь скелет: торф это может хранить тысячи лет. Или, быть может, развороченный костяк сошёл хребтом, ногами, рёбрами в один прочный помост. Но только машина вдруг перестала погружаться, потолок кабинки остался вровень с болотом, а голова Коли с густыми рыжими волосами торчала возле, как обыкновенная болотная весенняя кочка с прошлогодней травой. Тогда прилетели большие птицы с гнутыми носами и, завидев необыкновенную кочку, спускаясь всё ниже и ниже, стали свистеть и кричать. Глаза помогли Коле отбиваться от птиц, двинет глазами на птицу в упор, и она шарахнет, взмывая вверх. Но маленькие корявые берёзки, сухие чёрные ёлки, клюквенные кочки, перевитые кроваво-красными бусами, все стали дружески уговаривать Колю закрыть глаза и ни о чём не беспокоиться: и шофёр, и его машина в торфяной пучине будут бережно храниться тысячи лет, и сами они, как и всё на болоте, рано или поздно попадут в ту же кладовую на долгое хранение. И, когда бороться за жизнь стало нечем, Коля послушался этого ласкового голоса, закрыл глаза.

Случилось, что старый купанский учитель Павел Иванович Логинов как раз в это время вздумал устроить футбольную войну своих купанских ребят с усольскими и во главе своей бригады направился по гати в Усолье. Он увидел новую болотную кочку с рыжими волосами и закрытыми глазами на бледном лице человека. Вмиг Павел Иванович разослал своих быстроногих гонцов за помощью, сам же с частью других ребят принялся работать, чтобы спасти человека. И всё кончилось благополучно, шофёра и машину спасли, собрали интересные кости мамонта.

Очень мы подивились страшному случаю, рассказанному Колей из собственной жизни, но кто-то из грачей вспомнил, что ведь рассказ-то начался из-за лысинки, о которой Коля сказал, что получил её именно на переславских лесных заготовках.

— Сам не знаю ничего, — ответил Коля, — помню, что птицы летали над самой моей головой, что я некоторое время стрелял в них глазами, что, наконец, прилетела ворона и, обычно такая осторожная птица, теперь уселась на ёлочку возле меня. Тогда мне стало как-то всё равно. А когда закрыл глаза, то даже было как бы и не совсем плохо. И когда я потом очнулся дома, и, желая что-то вспомнить, по своему обыкновению хватился за голову, то сразу же почувствовал лысинку.

— Неужели птицы надрали? — спросил неуверенно один из грачей.

Тогда некоторые засмеялись, а некоторые стали доказывать, что ничего тут смешного и невероятного нет: птица-то обыкновенно, дикая или домашняя, раз видит весной подходящее место, начинает драть лапами и делать гнездо.

— Что я могу говорить, — повторял нам Коля, — птицы это или что другое, когда я закрыл глаза и ничего больше не видел, знаю одно, что всегда были густые волосы, а из болота вышел с этой лысинкой.

Тогда все грачи разделились на две враждебные партии, одни говорили, что это сделали непременно птицы. Нашёлся один из самых ярых защитников птичьего происхождения шофёрской лысинки, он подробно рассказал нам, как устраивают себе на болотах гнёзда кроншнепы, сколько у них яиц и какие они.

— Так мы, — сказал он, — предполагаем птиц в этом деле и честно хотим это объяснить, а вы ничем не объясняете и только смеётесь. Кто смеётся без причины, явный признак дурачины.

— Как же не смеяться на вас, — ответил представитель враждебной партии. — Мы так понимаем, что старый учитель Павел Иванович, увидев машину и человека в беде, принялся прежде всего человека спасать, и за что же тянуть его, если ни за руки, ни за ноги нельзя ухватиться и от всего человека из болота торчит одна голова с очень густыми волосами...

Тогда вдруг словно молния прорезала ярким светом наше тёмное сознание, и все разом покатались со смеху. Для всех стало ясно, что Павел Иванович или кто-нибудь из его футбольных ребят, спасая человека, волос его не пожалел.

ЗАГОРСК, 7 октября 1936 г.